

Хантакова Виктория Михайловна, Швецова Светлана Викторовна

МЕСТО СИНОНИМИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье обосновывается выделение межъязыковой синонимии в качестве отдельного объекта исследования.

Предложены теоретические установки для сопоставительного исследования синонимии в разных языках, определяющие условия выбора синонимического эквивалента при передаче информации на другом языке и способствующие сохранению смысловых тонкостей синонимических единиц одного языка при переводе на другой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 161-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

20. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2003. 60 с.
21. Попова З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 8-49.
22. Попова З. Д., Стернин И. А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2004. С. 52-58.
23. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
24. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
25. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты нәшрияты, 2005. 848 б.
26. Чарыкова О. Н. Индивидуальные концепты в художественном тексте // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 173-176.
27. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. М., 1995. № 4. С. 73-83.
28. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2004. 1540 p.

CORRELATION AND INTERCONNECTION OF THE TERMS "CONCEPT", "NOTION", "MEANING" IN MODERN RESEARCHES

Khairullina Dinara Dilshatovna, Ph. D. in Philology
Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University
dinara0406@mail.ru

The article deals with the notional set of terms "concept", "notion", "meaning", closely related to each other and being in constant interaction in modern linguistics. Based on the examples from the English, Russian and Tatar languages, the author demonstrates that the analyzed terms have both unifying and distinctive properties. These are one-level, but not equivalent categories of thinking: they are considered in various systems of connections.

Key words and phrases: word; lexical meaning; notion; concept; English, Russian, Tatar languages.

УДК 811.11-112

В статье обосновывается выделение межъязыковой синонимии в качестве отдельного объекта исследования. Предложены теоретические установки для сопоставительного исследования синонимии в разных языках, определяющие условия выбора синонимического эквивалента при передаче информации на другом языке и способствующие сохранению смысловых тонкостей синонимических единиц одного языка при переводе на другой.

Ключевые слова и фразы: синонимия; межъязыковая синонимия; информация; смысл; значение.

Хантакова Виктория Михайловна, д. филол. н., профессор
Швецова Светлана Викторовна, к. филол. н., доцент
Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежовского
achinj@mail.ru; svetlana-sib@yandex.ru

МЕСТО СИНОНИМИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Неугасающий на протяжении многих столетий интерес в науке о языке к изучению синонимии, обусловленный её значимостью в исследовании сложных многопараметрических противоречий между мыслью и языком и предопределивший тем самым её включение в разработку приоритетной на сегодняшний день проблемы смысла, является очевидным фактом. Менее очевидно, однако, что опора на синонимические связи в языке оказывается существенной при раскрытии механизмов порождения информации в тексте/дискурсе и её трансляции в обществе, особенно в эпоху взаимодействия культур, характеризующуюся недостатком признания и понимания между представителями обществ с различными культурами, языками, историей и религией. Между тем специальный теоретический обзор исследований, посвященных изучению синонимии, обнаруживает, что выбор синонима из однородного смыслового пространства существенно влияет на формирование информации о представлениях человека об окружающем его мире. При этом слово в информационном обществе сохраняется не только как средство коммуникации, но и как «голос мира», направляющий действия человека логос. Значительная часть коммуникативных действий человека, связанных с передачей информации, обусловлена его стремлением навязать свою точку зрения и тем самым воздействовать на получателя информации, что зачастую достигается выбором слова из целого ряда синонимов. Это относится и к выбору синонимического эквивалента при передаче информации на другой язык.

Растущая потребность людей в адекватной интерпретации информации делает необходимым нахождение в переводном языке синонимических соответствий, учитывающих малейшие смысловые нюансы передаваемой информации. В связи с этим возникает необходимость выделения в качестве отдельного объекта исследования в теории синонимии межъязыковых соответствий или межъязыковой синонимии, с выяснением соответствий синонимических рядов в разных языках и выявлением системы явно или неявно проявляющихся закономерностей, влияющих на выбор нужного синонима из множества возможных синонимов в другом языке.

Первым шагом в поиске и нахождении языковых соответствий при трансляции информации из одного языка в другой является, как правило, обращение к синонимическим рядам сопоставляемых языков.

Но сопоставление в области синонимии, несмотря на целый ряд сравнительно-сопоставительных исследований языков, остается одним из наименее освещенных разделов в науке о языке. Отсюда, при достаточно развитых широких системах синонимических ресурсов языков, трудности при передаче информации, поскольку реальность на сегодняшний день такова, что словари синонимов не всегда гарантируют передачу многих тонкостей смыслового содержания языковых единиц при переводе с одного языка на другой, что объясняется, прежде всего, неполнотой толкований значений синонимов в словарях.

Любая систематизация человеческих знаний (а синонимический ряд представляет собой определенную фиксацию в виде системы знаний человека о мире, опыта его взаимодействия с миром) не лишена пробелов, на которые до определенного времени не обращается внимание. Достаточно явно неполнота толкований синонима обнаруживается при сопоставительном исследовании синонимических рядов в разных языках. При этом становится очевидной необходимость детального описания синонимов в отдельно взятом языке и сопоставительного исследования синонимических рядов в разных языках. Такой подход к описанию синонимии может обеспечить выявление закономерностей синонимии, присущих естественным языкам, и тем самым построение общей теории синонимии. Одновременно с этим становится возможным уточнение специфических особенностей синонимии в каждом отдельном языке, на что было обращено внимание при изучении проблемы лексической синонимии русского языка [2, с. 5]. Именно в этом заключается теоретическая и практическая значимость исследования межъязыковой синонимии, в основе которой лежат следующие посыпки теоретической значимости.

К числу основополагающих посылок при изучении межъязыковой синонимии относится выявленное при сопоставительном анализе обширного материала английского и русского языков несоответствие синонимических рядов, которое наряду с неполнотой толкования значений слов становится источником проблемных ситуаций при выборе синонимического эквивалента в другом языке [1, с. 250]. Несоответствие выражается, во-первых, несовпадением количественного состава синонимов в ряду английского и русского языков. Во-вторых, часть семантических признаков, по которым различаются языковые единицы, включенные в синонимические ряды в английском и русском языках, не совпадают, при этом существуют разные семантические оппозиции между членами сопоставляемых синонимических рядов.

Обратимся в этой связи к синонимическому ряду с доминантой *Angst* в немецком языке и соответствующему ему ряду с доминантой *страх* в русском языке. В Словаре синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой зарегистрировано и описано 6 лексических единиц – это *страх, ужас, боязнь, трепет, жуть, опасение* – с очень краткими пояснениями значения каждой из них [7, с. 510-511]. А Новый объяснительный словарь синонимов (НОСС) с этой же доминантой предлагает синонимический ряд, состоящий из пяти слов: *страх, боязнь, испуг, ужас, паника* [4, с. 1109]. В немецком языке одни авторы словарей представляют синонимический ряд с доминантным словом *Angst (сmpax)* из 21 слова: *die Furcht* (боязнь), *die Bange* (боязнь, страх), *das Angstgefühl* (чувство страха), *die Herzbeklemmung* (тревога, сопровождающаяся спазмами в области сердца), *die Ängstlichkeit* (боязливость), *die Furchtsamkeit* (боязливость), *die Bangigkeit* (тревожность), *die Herzensangst* (сильный страх, смятение), *die Heideangst* (адский страх), *die Höllenangst* (чертовский, дьявольский страх), *das Grauen* (ужас, отвращение), *das Grausen* (ужас, кошмар), *das Zähneklappern* (состояние страха, при котором человек стучит зубами), *der Dampf* (удушающий страх), *der Bammel* (робость), *der Schiß* (сильный страх), *die Schüchternheit* (застенчивость, стеснительность, робость), *die Sorge* (забота, тревога), *die Beklemmung* (чувство тревоги, стеснения, стесненность, подавленность), *der Schreck* (испуг, страх, ужас), *die Feigheit* (трусость) [14, S. 50]; другие – из 16 лексем: *das Angstgefühl* (чувство страха), *die Ängstlichkeit* (боязливость), *der Angstzustand* (состояние страха), *die Bangigkeit* (тревожность), *die Beklemmung* (чувство тревоги, стеснение, стесненность, подавленность), *die Furcht* (боязнь), *die Furchtsamkeit* (боязливость), *die Panik* (паника), *die Bangnis* (боязнь, страх, тревожность, робость), *die Herzensangst* (сильный страх, смятение), *der Bammel* (робость), *der Schiss* (сильный страх), *das Aftersausen* (панический страх), *die Bange* (боязнь), *das Pavor* (страх), *die Phobie* (фобия) [10, S. 79]. За количественным несоответствием единиц синонимических рядов следует несоответствие их смысловых различий, что вызывает вполне очевидную трудность экспликации важных особенностей синонимов при сопоставлении, что нередко существенным образом затрудняет представление и передачу информации на другой язык. Сталкиваясь с такими трудностями, человек в большинстве случаев обращается к доминанте синонимического ряда, поскольку ему, в отличие от технических устройств, свойственно восприятие получаемой информации со схватыванием её смысла в целом. Ориентация на доминанту в процессе поиска нужного слова из однородного смыслового пространства объясняется, прежде всего, тем, что в значении доминанты синонимического ряда отражаются накопленный человеком опыт и знания о мире. К такому взгляду на понимание значения доминанты как выразителя общего для всего ряда значения приходят сегодня исследователи синонимии, с каким бы фактологическим материалом они ни работали. В самом деле, общее значение для синонимов всего ряда может способствовать целостному представлению об описываемых явлениях в передаваемой информации в общих чертах. Однако оно в силу ряда причин может оказаться приблизительным или упрощенным, а человеческое мышление, как известно, не всегда удовлетворяется общим. Ведь синонимы одного ряда, связанные значением его доминанты, имеют свои уникальные свойства, которые приобретают смысловую значимость, определяющую адекватное понимание информации. К тому же, как известно, в реальной коммуникативной практике раскрытие единичного смысла необходимо для регулирования восприятия информации с целью определенного влияния на получателя. Не будет преувеличением сказать, что существует определенный предел, так или иначе препятствующий сведению всех возможных средств передачи нужной информации к одному-единственному, в нашем случае –

к доминантам *страх* в русском и *Angst* в немецком языке. Здесь, по всей вероятности, срабатывает философский вывод о том, что единичное, особенное, приобретает значимость только в рамках общего и лишь до какого-то момента остаётся незаметным.

Обращение к словарным дефинициям *Angst* и *страх* обнаруживает совпадения. Они обусловлены в основном универсальностью описываемой этими лексемами эмоции как одной из основных, или базовых, человеческих эмоций, влияющих на создание информации о мире и отношении к нему. Это дает ключ к пониманию на языке перевода (в нашем случае – русского языка) той информации, в формировании которой важную роль играет слово *Angst*, которому в переводе на русский язык соответствует доминанта ряда *страх*, сравните:

In dieser Angst lebte er von einem Ersten zum anderen [13, S. 39]. / В таком **страхе** он жил от первого числа одного месяца до первого числа другого [6, с. 24].

Универсальность, как правило, одновременно связана с выявлением специфических различий, обусловленных стремлением различных культур к подчеркиванию своих особенностей. В нашем случае вслед за указанным выше количественным несовпадением синонимов в сопоставляемых рядах обнаруживаются разные смысловые оппозиции между ними. Так, например, доминанта *Angst*, в отличие от других синонимов ряда, характеризуется наличием в своем смысловом объеме значения «неизвестность причины опасности» [9]. Его актуализация вызывает определенные трудности в поиске эквивалента в русском языке, в котором отсутствует такая смысловая оппозиция между словами в синонимическом ряду с доминантой *страх*, что вскрывает несоизмеримость слов *Angst* и *страх*. В этой связи обратимся к сравнению текстового фрагмента из романа Е.-М. Ремарка «Три товарища» и его перевода на русский язык. В исходном тексте для описания эмоционального состояния героя избрана лексема *Angst*, дополненная его синонимом *Grauen*:

...da stürzte der bis zum Zerreißen gespannte Horizont zusammen in eine weiche Unendlichkeit, er begrub die Nacht unter sich, die Angst, das Grauen – ich sprang zurück, ich hielt mich an der Tür, ich sagte: “Sie kommen! Doktor, Pat, sie kommen” [13, S. 237].

В переводном тексте состояние героя, испытывающего страх, передано лексемой *отчаяние*: *...рухнул под натиском мягких волн бесконечности, погребя под собой ночь, отчаяние, ужас, – я бросился к двери со словами: «Едут! Доктор, Пат, они едут!»* [6, с. 253]. Действительно, не исключено, что в комплексе идей, выражаемых словами *Angst* и *страх*, присутствует отчаяние. Ведь максимальное внутреннее напряжение героя вызвано его опасением за жизнь любимой девушки, если врач вовремя не придет. То ужасное, что может произойти, и то, что он не в состоянии помочь девушке, может привести человека в отчаяние. Однако в ситуации, которая описана в текстовом фрагменте с *Angst*, герой, переживающий за девушку, испытывает страх. Он вызван тем, что долго нет врача и друга, который поехал за ним. Неизвестность того, что может произойти с девушкой, которой не становилось лучше, а также неизвестность задержки приезда врача и его друга обуславливают использование слова *Angst* в исходном тексте. Для человека, прошедшего войну (к тому же представителя «потерянного поколения»), характерно скорее испытать страх и преодолеть его, нежели отчаиваться, поскольку отчаяние – это состояние крайней безнадежности создавшегося положения, ощущение безысходности [7, с. 250]. Это не соответствует личностным характеристикам испытывающего страх героя, его жизненному опыту и той ситуации, в которой жили, работали и переживали молодые люди в послевоенное время в Германии 20-30-х годов прошлого столетия.

Риск трансформации смысла из-за несоизмеримости немецкого *Angst* и русского *страх*, а также различий смысловых оппозиций между синонимами сопоставляемых рядов заставляет принять еще одну посылку теоретической значимости при описании межъязыковой синонимии – динамику и направленность мыслительного процесса в языке оригинала и перевода. Это неслучайно, поскольку, как уже не раз говорилось, значимость синонимии определяется её включенностью в ранг ключевых понятий при описании смысла в целом ряде лингвистических и логико-философских работ [3, с. 7; 5, с. 549; 12, S. 42]. Результатом совпадения направленности мыслительного процесса является преодоление непонимания в диалоге культур, порой даже частичного. В противном случае может оказаться так, что на самом деле имеет место лишь иллюзия понимания передаваемого сообщения. Введение предложенной посылки в разработку межъязыковой синонимии существенно ограничивает степень разброса возможных истолкований передаваемой информации, поскольку нередко даже небольшой смысловой нюанс (а синонимы отличаются именно этим) существенно определяет для получателя информации её интерпретацию. Особенно прослеживается это в случаях, когда в одном сообщении используется не один, а два и более синонима, сравните следующие текстовые фрагменты:

Sie hatte Angst vor der letzten Stunde zwischen Nacht und Morgen. Sie glaubte, daß mit dem Ende der Nacht der geheime Strom des Lebens schwächer würde und fast erlosch – und nur vor dieser Stunde hatte sie Furcht und wollte nicht allein sein [13, S. 443]. / Она боялась последнего часа перед рассветом. Она полагала, что на исходе ночи сила жизни ослабевает, почти исчезает, и **страшно боялась** этого часа, и не хотела быть одна в это время [6, с. 459].

Стержневой основой, на которой держится конструкция текстового фрагмента на немецком языке, служит целостный смысл, выражаемый *Angst* и его синонимом *Furcht*, которые, согласно их словарным дефинициям, отличаются следующим. Для *Angst*, как было отмечено выше, свойственно выражение страха, вызванного какой-либо неопределенной угрозой. С помощью же слова *Furcht* описывается, как правило, состояние страха, которое человек испытывает перед чем-то известным и конкретным. Смысловая оппозиция между анализируемыми синонимами, основанная на противопоставлении «неизвестность/известность причины, вызывающей страх», дополняется тем, что проявление страха, описанного словом *Furcht*, значительно интенсивнее,

чем при переживании страха, выраженного *Angst* [9, S. 247]. Следовательно, смысловое различие рассматриваемых синонимов вызвано менее или более экспрессивным выражением страха. Именно через данное противопоставление синонимичных единиц актуализируется смысл, создаваемый на фоне взаимодействия и взаимопроникновения значений этих синонимов. Картина смыслового развертывания представлена динамикой смысла от менее известного к более известному и выражена эксплицитно употреблением разных синонимов *Angst* и *Furcht*, а также частицей *nur*, уточняющей время и тем самым снимающей временную неопределенность. Одновременно представлено движение смысла, образуемого от нейтрального выражения страха к его экспрессивному проявлению. Несмотря на то, что в переводе на русский язык использована не синонимическая пара, а повтор одного и того же синонима *боялась*, движение смысла, выраженного в исходном тексте, сохраняется. При повторном использовании данное слово сочетается с лексемой *страшно*, усиливающей чувство боязни [7, с. 511]. Смысл, выражающий движение от неизвестности причины, вызвавший страх, к её определению, в переводе остается нечетко выраженным. В этом особенность синонимического ряда с доминантой *страх* в русском языке, объясняемая синкретизмом неизвестного и известного чувства опасности.

Следующим ориентиром при описании межъязыковой синонимии является признание межуровневой синонимии, поскольку не во всех случаях лексическим синонимам соответствуют синонимы уровня слова другого языка. Необходимость однозначного понимания получаемой информации влечет за собой замену слова на его синонимичный эквивалент другого уровня языковой системы, сравните:

Das waren die letzten Laute menschlicher Sprache, überbrüllt schon von den Schreien der Todesfurcht, für die es in keiner Sprache Worte gibt [11, S. 279]. / *Это были последние членораздельные звуки, уже заглушаемые криками смертельного ужаса, для которых ни в одном языке нет слов* [8, с. 529].

Острота проникновения в сущность описываемой ситуации, уточнение диапазона понимания эмоционального состояния человека, достигаемого с помощью выбора синонима *Furcht*, используемого в составе сложного слова *Todesfurcht*, выражены в русском языке словосочетанием *смертельный ужас*, передающим сильное эмоциональное волнение человека и вместе с тем драматизм сложившейся ситуации. Собственно говоря, выбором именно такого словосочетания обеспечены трансляция информации на другой язык и её адекватное осмысление. С этой точки зрения дальнейшее изучение межъязыковой синонимии представляет определенный исследовательский интерес, ведь тончайшие нюансы движения и направления мысли могут быть выражены единицами разных уровней и в пределах одного языка.

Таким образом, описание межъязыковой синонимии может составить отдельный объект и вместе с тем перспективное поле исследований в теории синонимии. Нахождение в переводном языке синонимических соответствий, с помощью которых могут быть переданы тончайшие нюансы передаваемой информации, становится важной задачей в исследовании межъязыковой синонимии. Необходимой предпосылкой её решения становится, во-первых, признание и выяснение картины соответствий/несоответствий синонимов (количественной и качественной) в разных языках, которая может быть полной и частичной. Во-вторых, исключительная роль, которая принадлежит синонимии в организации информации, обуславливает значение анализа динамики мыслительного процесса и направленности этого процесса в языке оригинала и перевода. Совпадение направленности мыслительного процесса выступает как важнейшее условие для достижения адекватного осмысления информации, транслируемой из одного общества в другое, и тем самым взаимопонимания людей различных культурно-цивилизационных систем. В-третьих, в целях успешной разработки межъязыковых синонимических соответствий необходим комплексный подход, акцентирующий внимание на взаимодействии синонимов одно- и разноуровневой принадлежности и открывающий объективную картину синонимических отношений в языке.

Список источников

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. 767 с.
2. Евгеньева А. П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1972. С. 5-22.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
5. Падучева Е. В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 6. С. 548-559.
6. Ремарк Э.-М. Три товарища / пер. с нем. Б. Кремнева, И. Шрайбера. Харьков – М.: Фашо; АСТ, 1998. 467 с.
7. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Наука, 1975. Т. 2. 855 с.
8. Франк Л. В последнем вагоне // Франк Л. Избранное / пер. с нем. Е. Гнединой. М.: Художественная литература, 1958. С. 512-537.
9. Bergenholz H. Das Wortfeld Angst: Eine lexikographische Untersuchung mit Vorschlägen für ein großes interdisziplinäres Wörterbuch der deutschen Sprache. Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. 280 S.
10. Duden. Das Synonymwörterbuch. Ein Wörterbuch sinnverwandter Wörter / hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2004. 1104 S.
11. Frank L. Im letzten Wagen // Frank L. Gesammelte Werke. Erzählungen: 6 Bd. Berlin: Aufbau-Verlag, 1957. Sechster Band. S. 49-292.
12. Quine W. Bemerkungen über Existenz und Notwendigkeit // Zur Philosophie der idealen Sprache. München: Deutscher Taschenbuchverlag. Wissenschaftliche Reihe, 1972. S. 34-52.
13. Remarque E.-M. Drei Kameraden. М.: Verlag für deutschsprachige Literatur, 1960. 454 S.
14. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Leipzig: VEB; Bibliographisches Institut, 1980. 830 S.

PLACE OF SYNONYMY IN COMPARATIVE STUDIES

Khantakova Viktoriya Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Shvetsova Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Irkutsk State Agricultural University named after A. A. Ezhevsky
achinj@mail.ru; svetlana-sib@yandex.ru

The article substantiates the allocation of interlingual synonymy as a separate object of study. Theoretical guidelines for the comparative study of synonymy in different languages are proposed, which determine the conditions for choosing a synonymic equivalent in the transmission of information in another language and contribute to preserving the semantic intricacies of synonymous units of one language when translated into another.

Key words and phrases: synonymy; interlingual synonymy; information; sense; meaning.

УДК 81

Статья посвящена сопоставительному анализу составляющих концептов “Beruf” и «профессия» на основе номинативной и текстовой интерпретации лексических средств объективации искомого концепта. Сравнительная характеристика содержания концепта «профессия» в немецком и русском языках на материале лексикографических источников, а также анализ лексических репрезентантов исследуемых концептов в текстах современных печатных СМИ позволил выявить универсальные и национально-специфические концептуальные признаки, определяющие соответствующие ценности русской и немецкой лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: концепт; этимологический анализ; номинативная интерпретация; текстовая интерпретация; лексические репрезентанты концепта; концептуальные признаки; частотность употребления.

Христианова Наталья Валерьевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
nkh75@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТОВ “BERUF” И «ПРОФЕССИЯ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Концепт «профессия» играет значительную роль в формировании картины мира любого этноса. Относясь к универсальным когнитивным категориям, искомый концепт обладает также и национально-специфическими характеристиками, выявляемыми посредством сопоставительного анализа его репрезентантов в различных лингвокультурах, поскольку национальная специфика концепта проявляется в установлении различий в одноименных концептах в разных национальных культурах [5, с. 99]. В свете сказанного оправданным представляется сравнительный анализ концептов “Beruf” и «профессия» на основе их номинативной и текстовой интерпретации.

Историческое развитие ключевой лексики “Beruf” указывает на наличие в ментальности немецкого народа определенного отношения к профессии, труду и работе. Впервые лексема “Beruf” появилась в переводах Библии Мартина Лютера и означала призвание, выполнение долга. Характер профессии не имел значения и не указывал на социальный статус работающего, в то время как стремление человека любой профессии к материальной выгоде порицалось. Этимологическая коннотация в данном случае подразумевает видение профессиональной деятельности как альтруистичного призвания, угодного Богу и не связанного со стремлением к выгоде [6].

Исторически сложившееся значение “Beruf” в некоторой степени легло в основу его современной трактовки. Так, согласно словарю “Duden”, лексема “Beruf” отражает не только актуальный, но и исторический пласт концепта:

1) “[erlernte] Arbeit, Tätigkeit, mit der jemand sein Geld verdient; Erwerbstätigkeit” ((основная) работа, деятельность, при помощи которой кто-либо зарабатывает деньги; трудовая деятельность); 2) “(gehoben, veraltend) Berufung, innere Bestimmung” ((устаревшее, возвышенно) призвание, внутреннее предназначение) [10].

Очевидно, что второе значение лексики указывает в первую очередь на сохранившуюся в содержании концепта коннотацию призвания, посвящения человека выбранной им стезе. Однако данное определение отличается присутствием дополнительной коннотации стремления к материальной выгоде.

Более развернутую дефиницию искомой лексики предлагает толковый словарь “Wahrig”: 1) “Berufung, innere Bestimmung, Aufgabe, Sendung” (призвание, внутреннее предназначение, задача, миссия); 2) “ausgeübte oder auszuübende Tätigkeit; Erwerb des Lebensunterhaltes, Zugehörigkeit zu einem Erwerbszweig” (осуществляемая деятельность или работа, которую следует выполнять; добывание средств к существованию, принадлежность к какому-либо роду занятий) [9, S. 254]. В энциклопедическом словаре Майера “Beruf” определяется, как “die Lebensaufgabe, der man sich gewidmet hat” (цель жизни, которой себя посвящаешь) и как “Erwerbstätigkeit” (оплачиваемая трудовая деятельность) [11].

Данная группа толкований, таким образом, вносит в семантику исследуемого концепта некоторый материальный элемент, сохраняя, тем не менее, идею личного стремления к социальной реализации. Одновременно